

Девушка С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

И НЕЧЕГО ЖАЛОВАТЬСЯ,
ЕСЛИ ЖЕЛУДОК СВОДИТ
ОТ ГОЛОДА И ОТ СЛАБОСТИ
ЕДВА УДЕРЖИВАЕШЬСЯ
НА КАБЛУКАХ...
ТЕБЯ ПРОСТО НЕ ПОЙМУТ.
В ТВОЕЙ ТРАГЕДИИ НИЧЕГО
ОСОБЕННОГО НЕТ,
ЭТО МОСКОВСКАЯ НОРМА.
...ЭТОТ ГОРОД ПОМЕШАН
НА ВНЕШНОСТИ.
НЕ БЫТЬ КРАСОТКОЙ
ЗДЕСЬ НЕ КОМИЛЬФО.

Маша Царева

Девушка с голодными глазами

«ЭКСМО»

Царева М.

Девушка с голодными глазами / М. Царева — «Эксмо»,

Современные стандарты красоты воспевают анемичную худобу. Носить 46-й размер считается выходкой на грани фола, я уже не говорю о 48-м. Неужели в этом безумном мире нет места здоровой женственности? Героиня этого романа – это собирательный образ современной горожанки, помешанной на самосовершенствовании. Я посвящаю эту книгу всем, кого ужасает слово «шоколад», и тем, кто едва на ногах стоит от слабости, тем, у кого от бесчисленных диет выпадают волосы и зубы. Надеюсь, прочтя ее, хоть один человек, закусывающий обезжиренный кефир помидорчиком черри, задумается о том, что мода – это условность, а настоящая красота – внутри...

© Царева М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Разговор двух богинь, случайно подслушанный за ланчем в «Шоколаднице»	19
Глава 3	21
Глава 4	32
Почему в Москве невозможно сидеть на диете	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Царева

Девушка с голодными глазами

Пролог

– Я всегда блюю после банкетов! – с достоинством сказала Алина. – Не могу себе позволить, чтобы меня разнесло.

Ее низкий гулкий голос имел ту степень прокуренности, которая отзывается в голове слушателей приятной вибрацией и приводит в действие потайные химические реакции, отвечающие за включение эrogenных зон.

Алина была истинной красавицей – аристократично бледная, артистично ломкая, хрупкая, как балерина. Ну да, она весила сорок шесть килограммов, но честное слово, это ее совсем не портило. Два с половиной года назад у Алины прекратились менструации. Она считала, что это ерунда, не стоит обращать внимания.

– Я же не собираюсь иметь детей, – пожимала плечами она, – к чему мне вся эта возня с ПМС и своевременной закупкой тампонов?

Алина была из поколения феминисток третьей волны, очаровательных эгоисток мегаполиса, убежденных childfree.

– Главное, чтобы никто не почуял, что от тебя пахнет блевотинкой, – горячо подхватила Ольга, – я вот всегда ношу с собою мятные подушечки. Очень удобно. Возвращаешься из туалета налегке, источая запах ментола, и никто даже не подозревает, чем ты занималась пять минут назад.

Все рассмеялись.

Нас было восемнадцать – пациенток специального отделения Института питания. Самая массивная, армянка Марианна, весила пятьдесят два килограмма. Она мучительно переживала свою «кобылистость» и все пыталась незаметно от врачей спустить ужин в унитаз. Дольше всех здесь находилась Полечка – четыре года или что-то около того. Ее сто раз собирались выписывать – она поправлялась, розовела и набирала вес, но потом Полечка разглядывала в зеркале свои щеки, ягодицы, живот, свой несуществующий целлюлит, депрессовала по-черному, и все начиналось заново. Самая безнадежная – Женя. Ей всего двадцать три, но она похожа на немощного старца. Ее возили в инвалидном кресле и кормили через капельницу. Она почти не разговаривала, но иногда по безмятежному болотцу ее укрощенного успокоительными пилюлями нрава проносился разрушительный смерч внезапной истерики. Она падала на пол, прижимала костлявые колени к впалой груди и начинала выть – монотонно, громко, как сломанная пожарная сирена. В такие моменты становилось страшно.

В остальном в клинике мне даже, пожалуй, нравилось.

Правда, иногда я смотрела на своих соседок по палате – вечно худеющих, изрыгающих изысканные ужины в унитаз, тайком принимающих слабительные пилюли, – и думала: а что я делаю здесь?

Между тем я находилась в клинике уже третью неделю...

И за это время убедилась, что попасть сюда может любая девушка, которая хотя бы однажды, мечтательно закусив губу, рассматривала пляжную фотографию Анжелины Джоли, а потом нахмуренно изучала в зеркале собственное тело, далекое от совершенства...

Глава 1

Я – обычная москвичка двадцати девяти лет от роду. Как говорится – не красавица, но чертовски мила. Безработная. С недавних пор одинокая. Хроническая пофигистка.

Той осенью я развелась с Гениальным Громовичем. Это я так, к слову. К моему предстоящему похуданию внезапное одиночество отношения не имеет. Мы супружествовали всего четыре года, и с самого начала наши отношения были обречены. Убийственный союз педанта и разгильдяйки. Вечером я замачивала в раковине колготки и трусы, а утром он брезговал выдернуть из мыльной лужицы затычку и брился в кухне. Приходя домой, я снимала джинсы вместе с нижним бельем, прицельно швыряла их через плечо, и они в лучшем случае повисали на дверце шкафа, где и оставались до тех пор, пока не требовались вновь.

Выглаженные носки (warning! Он гладит носки, это диагноз!) Гениального Громовича ровными стопками покоились в двух верхних ящиках его платяного шкафа. Его рубашки были развешены по цвету, дубленки сдавались на лето в хранилище-холодильник, а стельки его идеально нагутаиненных бот раз в две недели на всякий случай дезинфицировались. Он не забывал принимать витамины, не пил больше одной кружки пива за вечер, а по субботам посещал бассейн «Олимпийский».

А еще он бесился, когда я заляпывала сбежавшим кофе плиту. А еще он занудничал, когда я сушила на батарее бюстгалтеры. А еще его передергивало, когда я забывала на краешке ванной эпилятор с застрявшими в лезвиях волосками. А еще... Да что уж там. Развелись – и ладно.

Эдика Громовича я встретила в гостях у Шапочной Знакомой, с которой мы работали над одним проектом для глянцевого журнала. Однажды мы засиделись над версткой до полуночи, и Шапочная Знакомая неожиданно пригласила зарулить к ней на кружечку успокаивающего мятного чая. Я всегда любила гостевать по ночам – все эти милые кухонные разговорчики за полночь, рассветные сплетни за бокалом сладкого вина, – поэтому с радостью согласилась. Мы пили чай с ромом, листали свежий Hello и увлеченно трепались на темы, любимые почти незнакомыми между собою городскими умницами-красавицами: о степени прокачанности бред-пит-товских бицепсов, о том, какая же милашка эта Энистон и какая же подлая сука эта Джоли, о том, правда ли, что у Бейонсе в задку силиконовые подушечки. Какой ужас – а если подложить на ее стул канцелярскую кнопку, знаменитая жопа торжественно взорвется, а потом с печальным свистом сдуется?! О том, влияет ли на эрекцию цвет глаз, о том, как лечить волосы после неудачной химии. Да мало ли, о чем еще.

И тут в квартиру вваливается Гениальный Громович, коему моя Шапочная Знакомая приходилась старшей сестрой. Отутюженная рубашечка, аккуратная стрижка, белесые ресницы, умные серые глаза, розовые ногти, тихое «Здравствуйте!». Помню, как только его увидела, подумала: «Прелесть какая!» Громович вежливо выпил с нами кофе, после чего закрылся с ноутбуком в дальней комнате. А Шапочная Знакомая вдруг ни с того ни с сего принялась его расхваливать: гордость семьи, золотой мальчик, наверняка будущий Чубайс или еще круче, не пьет, не курит, черный пояс карате, знает шесть языков, включая санскрит и японский. А напоследок, интимно понизив голос, добавила:

– А какая у него девушка, *mamma mia*! Модель, первый состав *Modus Vivendis*, учится в МГУ, идет на красный диплом, поедет получать степень PhD в Эдинбург, а в следующем месяце скорее всего появится на обложке Playboy! Мы ее обожаем, всей семьей!

Лучше бы она этого не говорила.

Как и большинство неустроенных городских баб под тридцать, я в какой-то степени являюсь завистливой дрянью. В принципе ничего против моделей не имею – разумеется, я говорю

о тех оффотошопленных милашках, которые навязывают мне чудо-тушь с журнальных страниц. Если же на моем пути попадает реальная 90—60—90 girl с ногами длиннее амурского тракта, грудью выше Памира и амбициями больше задницы моей киевской родственницы тети Мани, то я утешаю себя теорией компенсационной природы мироустройства. То есть сногшибательная красotka скорее всего является тупой овцой, недавно эволюционировавшей с Cool Girl на Cosmopolitan и на ни что, кроме качественного минета и скоростной растраты евро в Миланском Dolce & Gabbana, не способной.

Когда Шапочная Знакомая принялась расхваливать чудо-девушку, обладательницу тела Памелы Андерсон и мозгов Билла Гейтса, что-то внутри меня перевернулось. В сердце пузырилось-клокотало зловонное болотце свежесваренной зависти и концентрированного коварства. Я сказала:

– Слушай, так поздно уже. Может, твой брат меня до метро проводит?

Шапочная Знакомая удивилась, но подлянки не распознала.

– Всего половина одиннадцатого, – заметила, – да и живем мы не в катакомбах... Но если ты так боишься...

Я радостно закивала.

До ближайшей станции метро было идти ровно пятнадцать минут. Но ни вечером того дня, ни утром следующего Гениальный Громович дома так и не появился. А на третий день он позвонил своей модели-Эйнштейну и прояммлил о желании соскочить. Получилось у него неловко: почему-то он выбирал самые нелепые и обидные аргументы, вроде «дело не в тебе, а во мне», «ты слишком хороша для меня», бла-бла-бла. Судя по визгу в черт знает сколько децибел, доносящемуся из его трубки, модель такой поворот событий, мягко говоря, огорчил.

«Это жизнь, детка, – молча злорадничала я, – иногда ловля деликатесных мужиков на сиську не так уж и перспективна». А вслух говорила:

– Надо было соврать, что у тебя триппер. Тогда бы она сама исчезла, только ты ее и видел.

– Вера, ну как ты можешь быть такой циничной? Ведь она меня любит до сих пор!

У него было гипертрофированное чувство ответственности, у меня – желание попробовать законный брак на вкус и урчащее превосходство над покинутой моделью. На том мы и сошлись. Мы встречались ровно три недели, когда на корпоративной вечеринке его друга я что-то там не рассчитала с клюквенной водкой и потом меня душераздирающе рвало в мусорный контейнер возле станции метро «Тимирязевская». Гениальный Громович метался вокруг, и у него было такое выражение лица, словно он присутствовал при трепанации черепа. Как будто бы он раньше блюющих нежных дев не видел, честное слово. Но окончательно он покорила меня, когда в перерыве между моими судорогами заботливо спросил:

– Солнышко, а ты, случаем, не беременна?

– Все может быть, – загадочно ответила я, намереваясь скорее пошутить, нежели ввести бедного ребенка в роковое заблуждение.

– Значит, мы поженимся, – он сказал, как отрезал.

Я попробовала было возразить, но Громович был тверд, как пенис подсевшего на виагру старца.

Естественно, вся его семья меня возненавидела. Шапочная Знакомая в первую очередь. Эта коза мелированная даже посмела пару раз угрожать целостности моих нижних конечностей. Звучало это примерно так:

– Да я те ноги вырву, сука! Ты специально, специально все это подстроила! – визжала моя розовая «моторолка» ее голосом, слегка искаженным от помех.

Несколько раз я прилежно вешала трубку, ибо не переносу, когда самонадеянный некто вторгается в мое личное пространство, чтобы меня же грязью и полить. А потом не выдержала и все-таки козу осадила:

– Послушай, тварь, – сказала я с нарочитой медлительностью гангстера, который безо всяческих сомнений разрядит в такую вот Шапочную Знакомую свою «беретту», – к твоему сведению, я беременна. А беременных женщин нагружать своими семейными комплексами не рекомендуется. И вообще, ты что, считаешь своего братца идиотом, которым легко манипулировать? Что-то это не вяжется с карьерой круче, чем у Чубайса. Поэтому все претензии к нему, а я всего лишь слабая женщина. Договорились?

Вся семья с козой в унисон ненавидела меня – они были похожи на хор из греческой трагедии, появляющийся всегда некстати и к концу сюжета начинающий неумолимо раздражать.

Медовый месяц еще не подошел к концу, когда я поняла, что из наших отношений можно выжать разве что скуку (а потом, высушив ее на балконе, продавать в пакетиках в виде концентрата). То, что казалось в Громовиче таким трогательным, вдруг начало конкретно раздражать. Тихий голос, размеренные, ровные интонации, несмываемая джокондовская полуулыбка, впитавшаяся в его лицо. Благостная уверенность в будущем. Казалось, каждый его день был распланирован минимум на десять лет вперед и он точно знал, когда возьмет кредит на квартиру, когда слетает в Рим послушать оперу, а когда защитит докторскую и закатит по этому поводу банкет в Екатерининском дворце. Все его мечты были оформлены и красиво упакованы еще в средней школе – теперь же только и оставалось, что пахать во имя их исполнения. Я же всегда была склонна к спонтанным безумствам, неожиданным реакциям, резкой смене хобби, горящим путевкам на край земли.

Итак, повторюсь, я раздолбайка. Неорганизованная, ленивая, никчемная прожигательница жизни. Иногда пописываю статейки в глянец – этим моя социальная активность и ограничивается. Деньги появляются у меня от случая к случаю и тут же спускаются на разную ерунду психотерапевтического плана вроде ботильонов из крокодиловой кожи или билетов на концерт Робби Уильямса в VIP-зону.

Да, бывает, что у меня нет денег даже на гречневую крупу или проездной на пять поездок. Но при этом я умею жить красиво.

И я точно знаю, что в беловолосой старости, раскусывая вставными челюстями овсяную печенюшку и задумчиво глядя в окно, буду вспоминать не то, как, тужась, справлялась с кредитом на дубленку или тратила полдня, чтобы экономно отовариться в «Ашане».

Я буду вспоминать безумные выходные в Праге и пивную диету, от которой блестят глаза, а мозги принимают форму мыльных пузырей и так хочется пуститься в пляс прямо на главной площади города. Боа из перышек и бусинок, которое некуда носить, зато так приятно прижиматься к нему щекой, ощущая себя ретроледи. Поход на мужской стриптиз и буги-вуги со смуглым мачо, обладателем литого живота и будоражащего воображение псевдонима Мистер Эректус. Я заплатила этому Мистеру три с половиной тысячи рублей за приватный танец. И не надо делать круглые глаза – да, я заплатила породистому самцу за то, чтобы он смотрел на меня исподлобья и, повиливая муравьиным задком, пальпировал мою грудь – но это же было чертовски весело!

Я буду вспоминать, как однажды ночью, голосуя на Ленинском проспекте, я остановила мотоцикл. Хладнокровный байкер с полным набором рокерской атрибутики (свалявшаяся борода, рваный кожаный жилет, синие от татуировок плечи, пробивающийся запах крепкого мужского пота) объявил, что он согласен довезти меня до дома за пятьсот рублей. Сумма была нагловатой даже для такси. Но я согласилась без раздумий. Никогда не забуду, как жму-

рилась от ветра, испуганно сжимала коленями байкерский торс и повизгивала на поворотах от удовольствия и страха – то было концентрированное счастье.

Я буду вспоминать, как подарила племяннице породистого лабрадора, а потом две недели куковала на постном супчике.

Я буду вспоминать, как однажды мы с моей лучшей подругой Нинон проиграли всю зарплату в казино.

Да много чего вспоминать буду – в мои двадцать девять лет (четыре из которых, заметьте, пришлось на ортодоксальный брак, не богатый впечатляющими событиями) я словно три жизни прожила.

Увы, я всегда на собственный счет заблуждалась.

Лет до двадцати я свято верила, что мое предназначение – счастливый брак.

Охмрю офисного дельца в голубой рубашке, рожу ему дочку и сына, осяду дома, в уютной квартирке с видом на живописный бульвар, со свежим ремонтом и геранью на подоконнике. Двух котов заведу – рыжего и угольно-черного, буду поить их жирненькими сливками.

Окончив школу, я и не думала о том, чтобы куда-то поступать. А зачем, если максимум через три-четыре года меня приберут к рукам, обрядят в воздушную фату, осчастливят, обрюхатят, вручат ключи от «Мазды», на которой я буду возить детей в зоопарк. Зачем стараться, пыжиться, тужиться – лучше уж последние деньги как следует прогулять.

Гульба затянулась.

Сначала я примкнула к мутноватой компании приарбатских хиппи. Потом влюбилась в мотоциклиста на «Харлее» со всеми вытекающими: покупка кожаного прикида и банданы с черепами, татуированная волчья морда на лопатке, походка вразвалочку, банка Хайникена в руке. Каждый вечер мы собирались на Воробьевых провожать солнце в Штаты. Каждую ночь носились по пустынным проспектам, иногда зависали в «Секстоне», а по утрам я уныло поблывала в сортире, ибо мой девичий организм не справлялся с алкогольной мешаниной.

Однажды выползая из ванной и не вовремя вскинув глаза, я нос к носу столкнулась с собственной зеркальной проекцией и пришла в ужас. Я подумала, что в квартиру забралась обдолбанная бомжовка, и сейчас она мне, неподготовленной и беззащитной, в банном халатике, выдаст экспресс-визу на тот свет. А потом я сообразила, что бомжовка тоже в халатике – знакомом, застиранном, с утятами, и в ухе ее болтается моя серьга в виде пиратского флага. Осознание, что сизоносый бухарик с подглазными мешками такого размера, что в них картошку можно хранить, – это я, было страшнее целой банды вооруженных «Томагавками» бомжей.

В тот же вечер я бросила мотоциклиста. Впрочем, он воспринял эту новость с оскорбительным пофигизмом, и, говорят, в тот же вечер его видели обжимающимся с какой-то оторвой в косухе.

Три месяца я отмокала в ванной, пила дорогие витамины, засыпала в половину одиннадцатого с увлажняющей маской на лице, а по утрам чинно прогуливалась по аллеям Измайловского парка.

Продержалась недолго – жизнь в паинька-style набила оскомину.

Моей следующей пассией стал отставной спортсмен. Раньше он мочил конкурентов на ринге, после травмы позвоночника покинул большой спорт, но в рамках тягучей ностальгии иногда поколачивал распоясавшуюся криминальную шушеру районного масштаба. Боксера в Измайлове уважали – за руку с ним здоровались такие персонажи, с которыми на узкой темной улочке лучше не встречаться. Иногда он чинно чаевничал с какими-то златозубыми Ахмедами и Али, они о чем-то приглушенно ворковали. Я честно вострила уши, но так ничего и не поняла.

А однажды, томным субботним утром, мы ели круассаны и по десятому разу смотрели вторую часть Kill Bill, когда в дверь позвонили. В аквариуме дверного глазка перетаптывался божий одуванчик из квартиры напротив – аккуратная прянично-лавандовая старушонка, которая укладывала жиденькие белые волосы в халу, носила пастельно-розовые халаты и душилась «Красной Москвой». Бабулька всегда вызывала у меня чувство умиления, я с ней здоровалась и даже иногда светски интересовалась, как дела, не зашкаливает ли давление и не завезли ли в нашу булочную теплые французские багеты. Я распахнула дверь и сначала удивилась странному выражению старушкиного лица. Она испуганно таращила выцветшие глазки и чуть не плакала – и уже потом заметила маячивших за дверным косяком амбалов в камуфляже.

Они ворвались в квартиру, зачем-то раздавили деревянный кальянный столик – с таким отвращением, словно это была пупырчатая болотная жаба, а не результат труда индонезийских умельцев, купленный мною в галерее Бали.

Нас с боксером уткнули мордами в линолеум, и я узнала, что в свободное от чайных посиделок и скромных драк время топ атоуг приторговывает травой.

Много еще невероятных историй приключилось со мною в тот незначительный промежуток времени, когда я еще рассчитывала на грядущую матримониальную устаканенность.

Я путешествовала автостопом в Анапу и там жила полтора месяца на пятьдесят долларов. Окончила курсы стриптиза и даже два уик-энда проработала в некоем заведении с полубордельным душком. Моя карьера go-go girl закончилась в тот момент, когда волосатая пятерня какого-то любителя юного мяса со звонким шлепком опустилась на мою ягодицу. Когда я устраивалась в клуб, арт-директор, похожий на Незнайку (широко распахнутые голубые глаза и идиотская панамка), клялся, что интим в контракт не входит. Я трехэтажно пожурила распоясавшегося гуляку, тот пожаловался менеджеру, и меня уволили без выходного пособия.

Был у меня роман с пилотом истребителя.

И еще – с бензиновым магнатом, у которого была «Ferrari» с тюнингом и часы за двадцать тысяч долларов (до сих пор не понимаю, каким образом в вереницу его модельно-бордельных обоже умудрилась затесаться я).

И еще – с весьма симпатичным разгильдяем, который в итоге оказался полным ничтожеством, зато был похож на Джонни Деппа, стервец.

И еще...

...Короче, мужчин у меня было много. И годам к двадцати двум я поняла, что с моей репутацией как-то глупо надеяться на благочинный брак с овсяной кашей по утрам, фитнес-клубом по четвергам, «Якиторией» по субботам, котами и геранью на подоконнике. Поэтому когда в моей жизни появился Эдик Громович, красивый мальчик из хорошей семьи, порядочный, нежный, образованный, богатый, я немного растерялась и на какое-то время поверила, что смогу стать другой. Он был влюблен, я испытывала к нему некое странное чувство, коктейль из нежности, уважения, дружбы. Как ни странно, у нас было много общего, мы любили одни и те же фильмы, смеялись над одними и теми же шутками...

Наш развод был мероприятием безболезненным и даже, пожалуй, долгожданным. По сути, последний год семейной жизни я и так была одинокой. Гениальный Громович вплотную занимался карьерой: уходил ранним утром, возвращался за полночь. Целыми днями я была предоставлена самой себе. Заведи я хоть десять любовников, он бы ничего не заметил. Но я не собиралась ему изменять. Мне хотелось не вороватого секса, малодушно спрятанного в задний карман джинсов обручального колечка, кокетливого вранья и так далее... Мне хотелось снова стать свободной и независимой. Одиночество тонизирует – ты все время в форме, все время находишься в охотничьей стойке.

Одиночество в городе – история отдельная. Мне не терпелось вновь окунуться в волнующий мир ни к чему не обязывающих романов, случайных знакомств, шулерской игры взакры-

тую. Ты тщетно гадаешь, что за карта перед тобой, придумываешь свою систему координат, в которой все мужчины, предпочитающие виски, оказываются мачо-соблазнителями, слепое следование моде является признаком инфантилизма, а белые носки – первой приметой классического придурка. Ты горячо обжигаешься на очередном порыве страсти. Ты словно живешь на безостановочных американских горках, подсаживаешься на адреналин, как на наркотик. Путаешь день с ночью, зачастую забываешь пообедать, прокуриваешь всю квартиру, а по четвергам идешь на сдвоенный ночной киносеанс, потому что твоего внутреннего электрического разряда хватит на то, чтобы обогреть чукотскую деревеньку. У тебя белье за двести долларов, полный пшик в кошельке и хроническая бессонница. Ты свободна и счастлива.

Глава 2

В моем организме нет физических изъянов. Никакой хлебнувший «девятой» «Балтики» урод никогда не прокричит мне вслед: «Коротышка!», или «Кривоножка!», или «Жирная свинья!» – на это нет объективных причин. Мой облик, как идеальный анализ крови, состоит из усредненных показателей. Средний рост, русые волосы средней длины, правильные, но мелко-ватые черты лица, самый ходовой тридцать восьмой размер ноги. Если я выйду на улицу без косметики (так чаще всего и происходит), то буду просто девушкой из толпы, *girl next-door*, метрополитеновской читательницей брошюр Пауло Коэльо, фаст-фудовской пожирательницей говяжьих сэндвичей, *middle class person*.

Если меня намакияжить и приодеть, получится ого-го. Но увы, даже тогда Клаудиа Шиффер не лопнет от зависти, случайно столкнувшись со мною нос к носу.

Любила ли я свое тело, свое лицо, считала ли себя красивой?

Хотите верьте, хотите нет, но я никогда об этом всерьез не задумывалась. Иногда в меня вселялся бес шопинга, и я принималась украшать организм свежескупленными платьями, топами, браслетами. Чаще носила практичные джинсы и футболки, добавляя какую-нибудь кокетливую деталь вроде пояса из ракушек, золотых сандалет или высмотренной на блошином рынке броши-камеи. В салоны красоты не ходила, волосы мне подравнивала подруга.

На диете я не сидела никогда, обожала джанк-фуд, с жалостью взирала на анемичных созданий, добровольно отказывающихся от картофеля фри в пользу напичканных глистами тайских таблеток.

Мужчинам я нравилась – это факт. А что еще надо одинокой горожанке в поисках приключений?

Зачем я все это битый час рассказываю – о разгильдяйстве, о череде сомнительных любовников, о несбыточной кирхен-киндер мечте, о Гениальном Громовиче, о желанном одиночестве?

Наверное, для того, чтобы обратить внимание на основную черту моего характера – гедонистический пофигизм. Я плыву по течению, иногда подгребая к зловонным сомнительным лужицам, и в целом жизнью довольна.

Такая женщина, как я, никогда не должна была превратиться в анорексичку, блюющую от одного взгляда на чизкейк.

Warning! Если это невероятное психологическое замыкание произошло в моем двадцатидевятилетнем организме, то подобное может случиться с любой из вас.

Как говорится, на этом месте могла бы быть ваша реклама.

Комплекс неполноценности напоминает инфекционный лишай – все начинается с крохотного пятнышка, а потом в считанные дни все тело запаршивливает.

Прекрасно помню тот день. Прекрасно помню того мужчину.

Чертов козел! Выродок, макака, чучело с сушеными фекалиями вместо мозгов! (Не обращайтесь внимания, это я от злости, на самом деле он был бог, а я – корова.)

Дело было на пляже в Строгине. Я приехала загорать, прихватив приятельницу по имени Нинон, которую знаю уже много лет. Мы собирались обсудить мой новый холостяцкий статус.

Нинон – несчастный человек. Ее перестроечное детство изобиловало убогими пластмассовыми чебураторами и глупоглазыми куклами, похожими на торговку петрушкой. А Нинон мечтала о Барби – златовласом чуде с пятым размером груди и отстегивающимися ступнями (серьезно, к некоторым Барби прилагаются запасные ступни, обутые в разные туфельки, мечта маньяка-расчленителя). Мечта была истовой, но безнадежной. К тому моменту, как хорошень-

кие куколки в балльных платьях, ковбойских шляпах и даже русалочьих хвостах блядскими рядочками выстроились на магазинных полках, Нинон повзрослела. А взрослым девушкам положено мечтать не о пластиковых топ-моделях, а об итальянских бюстгальтерах, французских духах и турецких мужиках. Но детская мечта Нинон, оказывается, не иссякла совсем, а хитрой морской черепахой ушла на самое дно ее сущности.

И в какой-то момент всем стало очевидно, что Нинон лепит Барби из самой себя. Она изнуряла тело диетой из диетической колы и салатных листьев, вставила в грудь силикон. Она нарастила волосы и добела их вытравивала. Она носила такие каблуки, на которые, кроме нее, отваживались лишь профессиональные исполнительницы стриптиза.

Ее одежда была преимущественно розового цвета, а веки она подмалевывала голубыми тенями, причем смотрелось это все (как ни странно) не пошло, а мило. Такая вот безобидная девочка-припевочка под тридцать с легкой дурцой.

Жизнь Нинон представлялась мне сушим адом. Мало того, что она отказывала себе в простых человеческих радостях вроде двойного сэндвича с ветчиной и кружкой пива, так она еще и добровольно взбиралась на косметологическую голгофу. Из нее то выдергивали лишние волоски, то выращивали нелишние путем обмазывания едкими субстанциями, к ее собственным ресницам приклеивали чужие, кверху загибающиеся. Драли жесткими щетками, щипали кожу, чтобы лимфа не застаивалась. Отпаривали в травяных бочках и хлестали березовыми вениками.

Ужас, в общем.

И вот лежим мы с Нинон на песочке, потягиваем разбавленную ромом колу, читаем один Esquire на двоих, о чем-то благостно треплемся.

Не подумав, с кем имею дело, я сказала:

– Слушай, а пойдем потом в «Патио-пиццу»? Там отличная лазанья.

Нинон посмотрела на меня с таким выражением... Знаете, так раздавленная в бедрах и потускневшая с возрастом мать троих детей смотрит на мужа, который собирает чемоданы, чтобы слинять к жоповерткой соседке. Какое-то время она, видимо, прикидывала, не является ли мое предложение злой шуткой. И только потом отреагировала, причем совсем для меня неожиданно:

– Вер, ну как ты вообще можешь так жить? – покачала Нинон головой, рассматривая меня из-под голубоватых очков. – Неужели ты никогда не слышала, что мы – это то, что мы едим?

– Да ну? А мне почему-то всегда казалось, что мы – это то, что мы читаем, то, с чем мы разговариваем, или хотя бы то, с чем мы спим.

– Не умничай. И вообще, на твоем месте, я бы давно села на диету. Ну неужели тебе ни капельки не страшно?

Настал мой черед изумляться:

– Страшно? А чего я должна бояться, по-твоему?

– Того, чего бояться все уважающие себя женщины. Стать унылой брошенкой с обвисшими щеками, черепашьей шеей и двумя сумочками, хозяйственной и парадной.

– До черепашьей шеи мне в любом случае далеко. А чтобы стать унылой брошенкой, для начала нужно найти того, кто потенциально может меня бросить. В данный момент эта фаза интересует меня куда больше.

– Это тебе так кажется, – упрямо повторила Нинон, – а на самом деле... Если на твоём пузе появилась складка, значит, до полной деградации рукой подать.

– Нин, но... Жанна Фриске тоже в теле. Я промолчу о Монике Белуччи.

– Не будь наивной. Знаменитости не в счет, на них эти правила не распространяются. Если ты достаточно ушлая, чтобы стать кинозвездой, пожалуйста, можешь обжираться своей лазаньей.

– Не забывай, что я увела Гениального Громовича у топ-модели, – гордо напомнила я. – Она была на обложке Playboy, но выбрал-то он меня!

– Когда это было? – фыркнула Нинон. – Во-первых, четыре года назад в тебе было на десять килограммов меньше. Во-вторых, за эти четыре года мир изменился. Москва превратилась в другую планету. Поменялась негласная конституция межполовых отношений. Вошел в моду гламур. Мужики стали капризными. Разобрались, что к чему. Поняли, что в этом городе полным-полно образованных, умных красавиц, а вот достойный мужик – на вес золота. За него идет остросюжетная конкурентная борьба.

– Ну что за бред! Нин, по-моему ты окончательно свихнулась на почве самосовершенствования.

– Вот как? – недобро прищурилась Нинон. – Ладно, тогда довольно общих фраз, перейдем к частностям. Например, к тебе.

– Ко мне?

– Именно. Ты у нас относительно молодая, свободная, разведенная и ни капельки по этому поводу не страдающая, так?

– Ну, так, – осторожно подтвердила я.

– И почему же, спрашивается, твой ежедневник не пестрит напоминаниями о предстоящих свиданиях? Почему твой мобильный телефон уже третий час молчит? А три часа назад тебе звонил не кто-нибудь, отчаянно в тебя влюбленный, а бывший муж с вопросом, не хочешь ли ты, уж так и быть, оставить себе пароварку?

– Это ведь так быстро не происходит... Я была занята переездом, до сих пор вещи не разобрала. Уверена, что стоит мне захотеть, как у меня появится новый любовник. Я смогу соблазнить, кого захочу.

– Любого мужчину? – коварно прищурилась Нинон.

– Любого, какого *захочу*, – поправила я.

– Не считается. Вдруг ты хочешь только плешивых распространителей гербалайфа, от которых пахнет кариесом и «Хьюго Боссом» египетского разлива? А ты попробуй склеить... – она на секунду замешкалась и поводила аккуратно причесанной головой из стороны в сторону, точно высматривающий добычу альбатрос, – вон того!

Мой взгляд проследил за указующим перстом.

Ну что я могу сказать?

Он был божественен.

Есть такой тип мужчин – Пляжное Божество. Они литые, и пахнет от них всегда морем-океаном, даже если они проживают в средней полосе. Зимой пантеон Пляжных Божеств коллективно впадает в спячку. И не надо меня убеждать, что они просто смывают мочалкой загар, повыше поднимают ворот прокуренного свитера и тихо бухают под новогодней елкой, – это слишком банально.

Отличительные признаки Пляжного Божества – развитая мускулатура, брендовые плавки и темные очки, никаких розовых проталин сгоревшей кожи на плечах, клык саблезубого тигра на кожаном шнурке, спортивный инвентарь, намекающий на силу и смелость обладателя, – серфовая доска, змей для кайтинга, водные лыжи (только не удочка! Только не удочка!).

Оно было метрах в десяти справа – с нарочитой ленцой возилось с серфовым парусом, поигрывая мускулатурой в сторону онемевших от восхищения пляжных русалок. Оно было прекрасно осведомлено о том, какой эффект производит. Оно явно давно привыкло как к молчаливому поклонению, так и к наглому вторжению в божественное пространство.

Тело Пляжного Божества было словно высечено из гранита. Лицо, к сожалению, тоже – и то была немного топорная работа. Лоб получился неандертальски низковатым, над мохнатым газоном бровей проглядывалось два костяных бугра, из-за которых Божество приобретало

едва уловимое сходство с задумчивой гориллой или с «человеком умелым» из хрестоматии по истории.

Впрочем, может быть, я придираюсь. Нинон-то видела в нем совсем другое.

Она видела: влажные кучеряшки на груди, бедрах и животе – набирающая силу полоска спускалась в гавайские плавки. Она видела сильные ноги в позолоте майского загара, татуированного дракона на внушающем уважение бицепсе, капельки пота на груди.

– Нин... Он немного напоминает примата...

– Дура, что ли? – окрысилась оскорбленная в лучших эстетических чувствах Нинон. – Это самый породистый самец из всех, что я встречала за последнюю неделю!

– Ну ладно, если ты настаиваешь. – Я нехотя поднялась и отряхнула прилипший к плавкам песок.

Втянула живот, напомнила себе самой, что я тоже не лыком шита и когда-то к моим ногам падали еще и не такие мужчины... Ну ладно, ладно, я не фамм-фаталь, а если в моем присутствии кто-то и падал, то только из-за перебора с крепкими напитками. Зато мой бывший муж – гарвардский стипендиат, который однажды на приеме в Нью-Йорке разговаривал с самой Умой Турман. Что мне стоит заинтересовать тривиального представителя пляжного пантеона.

Подкравшись к нему, я придала своей позе флер немного нарочитой сексуальности. Когда-то знакомый психолог сказал мне, что девяносто девять процентов мужчин теряют голову от самых банальных блядских замашек – выпяченная нижняя губа, взгляд исподлобья, крутой изгиб бедра, чулки в сеточку, красная помада, кружевное белье.

Я уже собиралась изобразить заинтересованность и спросить что-то о его огромном мокром парусе, безвольным крылом разложенном на траве. Но не успела. Божество само повернулось ко мне, и на его лице было написано, что плевать оно хотело и на мою красную помаду, и на волнующий изгиб моего бедра. Взглянув на меня безо всякого интереса, оно произнесло фразу, с которой и началось мое путешествие в мир диет с конечной остановкой «Анорексия, просьба освободить вагоны».

Пляжное Божество сказала:

– Я сейчас буду набивать парус. Отойди, толстожопенькая.

В ту секунду, кажется, рухнул мой мир.

Толстожопенькая.

Повернувшись к зеркалу задом и зачем-то слегка приподнявшись на цыпочки, я посмотрела на себя через плечо. Искривленная себялюбием фигура казалась гитарообразной, дженниферлопесовской такой. Узкие джинсы едва не трещали на спелых бедрах, и выглядело это весьма сексуально. Искренне собой любуясь, я возмущенно подумала: «Идиот какой-то!», и отправилась на кухню пить чай.

В последнее время я пристрастилась к сладкому. Примитивный способ латания выжженных депрессией дыр – три глазированных сырка со вкусом пирожного «Картошка» плюс пакет маковых сушек плюс большая шоколадка с изюмом и дроблеными орехами.

Меня можно было оправдать – много стрессов. Развод – это сплошная нервотрепка. Даже если он происходит по взаимному согласию. Даже если ты считаешь дни до момента, когда двое подвыпивших работяг в синих рабочих комбинезонах будут выносить из его квартиры тюки с твоими вещами. Даже если бывший муж надоел тебе хуже рекламы «Тайда». Даже если по ночам тебе уже полгода снился сосед из квартиры напротив.

Сказать – я развелась – легко. На самом деле эта эпопея длилась почти полгода. Мне звонили его родственники. Его мамаша, которая вообще в России не жила, бросила семью ради какого-то техасского магната и была такова, назвала меня пираньей. Шапочная Знакомая, когда-то нас друг другу представившая, приходила, чтобы проследить за упаковкой моих

вещей – а вдруг чего лишнего прихвачу? Даже безупречный Громович – и тот пару раз умудрился напиться, а что взять с меня, бесхарактерной?

Я нашла успокоение в баночке с вареной сгущенкой. В коробочке зефира крем-брюле. В чизкейках от шеф-повара соседнего ресторана. В щедро посыпанных сыром макарончиках. В свиных котлетках из отдела замороженных продуктов. В молочных коктейлях, сладком чае, булочках с изюмом, мармеладных загогулинках, орешках кешью в белой глазури, блинчиках с ветчиной и грибами, глазированных сырках...

Я не замечала, как постепенно контуры моего тела теряют былую четкость. Я была вполне довольна своим зеркальным отражением. И даже наоборот – мне казалось, что выгляжу я на редкость хорошо, ведь когда полнеешь, увеличивается и грудь.

Кроме того, я никогда не была поклонницей эксгибиционизма – мои любимые джинсы имели мешковатый силуэт, из-под них никогда не выглядывали ниточки ярких стрингов (эта мода всегда казалась мне апофеозом пошлости), у моих платьев были неизменно пышные юбки, мои футболки не обнажали живот.

В общем, сама того не заметив, я умудрилась превратиться в создание, которому нечего делать на московской любовной шахматной доске.

Я назначила свидание бывшему любовнику, Олежке.

Циник и выпивоха из артистических кругов, он презирал кокетливое отрицание физических недостатков и мог шутя швырнуть вам в лицо ваш же затаенный комплекс. Однажды он довел мою приятельницу Аллу сначала до истерики, а потом и до кабинета пластического хирурга, сказав, что из-за огромного носа она похожа на Мумий Тролля. Олежка не из тех малодушных тварей, которые будут лукаво уверять: «Да нет же, ты совсем не поправилась!», когда на самом деле твоя одежда трещит по швам.

Собственно, из-за этой милой особенности его характера мы когда-то и расстались. Мне надоело выслушивать, что по утрам я похожа на похмельного филина, надоела констатация явления на свет каждого прыща, надоели сомнительные комплименты вроде «Как же ты похожа на Элизабет Тейлор!.. Ну просто ухудшенный вариант Лиз. Китайская подделка, ха-ха-ха!»

В защиту Олежки могу сказать, что с такой же маниакальностью он подмечал и красивые черты. Ни новый цвет помады, ни впервые надетые хорошенькие туфельки не ускользали от его болезненно обостренного внимания.

И пусть при расставании он назвал меня «двинутой фригидной кретинкой с зачатками стародевических манер», сейчас я звонила ему с улыбкой на лице.

Олежка долго переспрашивал, кто это, – то ли и в самом деле не узнавал мой голос, то ли делал вид. Расстались мы пять лет назад, и за это время из регулярно закладывающего за воротник актеришки-эпизодника с комплексом неприкаянности он превратился в сериальную звезду. Время от времени его лицо со знакомым брезгливым выражением попадалось мне на страницах газет. Нет, он вовсе не был movie-star с центрального разворота «Каравана историй». Но иногда в рубрике «Сплетни» какого-нибудь заштатного издания упоминалось, что «актер Дрыкин нарисовал на дверце своего „Ford Focus“ Чужого и Хищника – что бы это значило?»

– Да я это, я, Вера. Которая похожа на ухудшенную версию Элизабет Тейлор.

– А, – сразу оживился он, – ну и зачем ты мне звонишь?

– Да так. Хотела узнать, как твои дела.

– Должен сразу предупредить, что я несвободен, – на полном серьезе востепеннулся этот кретин, – я встречаюсь с...

И он назвал имя довольно известной попсовой девочки-припевочки, прославившейся главным образом пристрастием к публичному стриптизу. Ни одна вечеринка не обходилась без того, чтобы с торжествующим «А это видали?!» она не обнажала бы свой силиконовый бюст.

– Поздравляю. Не волнуйся, я ни на что не претендую. Просто хотела пригласить тебя в «Марракеш», чайку выпить, поболтать.
– О чем? – не сдавалась оборона.
– Вот встретимся – и узнаешь.
– Вер, если хочешь сообщить, что беременна, учти, мы не виделись пять лет.
– Какой же ты зануда, – выдохнула я. – Расслабься, мне просто срочно надо с тобой посоветоваться! Именно с тобой.

Зная его пристрастие к халяве и восточным сладостям, я пришла на двадцать минут раньше, заказала огромное блюдо пахлавы home-made и сразу же оплатила счет, чтобы над столиком не висело кокетливого знака вопроса.

Он явился минута в минуту. Загорелый, худой, в свободном джемпере Etro, с новой стрижкой – удлиненные пряди обманчиво хаотично ниспадали на лицо. Едва найдя меня взглядом, Олежка улыбнулся и оценивающе посмотрел сначала на выглядывающую из-под стола туфельку, потом на лежащую на скатерти руку с коралловыми ногтями, и только уже потом мне в лицо, я запоздало подумала, что встреча с невозможно похорошевшим бывшим любовником – удовольствие ниже среднего. За те пять лет, что мы не виделись, он снялся в десяти фильмах (у него были роли второго плана, ну и что?), получил две незначительные кинонаграды, сменил семь girlfriend, две из которых были манекенщицами, накопил дизайнерских вещей. А я?

Вышла замуж за Гениального Громовича и немного раздалась вширь.

Олежка тепло поздоровался, похвалил мой шейный платок и темные очки, и я уже было расслабилась, как вдруг он воскликнул:

– Ну, мать, ты и разжире-ела! Сидишь на диете из ватрушек и пончиков?

Я уныло улыбнулась, подавила рвущееся наружу: «Сам дурак!» В конце концов Олежка не был ни в чем виноват, сама напросилась. Осторожно уточнила:

– Значит, ты и правда считаешь, что я поправилась?

– Как будто бы ты сама не видишь, – фыркнул он. – Постой, ты что, меня для этого позвала?

Этот гад всегда был проницательным.

– В этом вся ты, – фыркнул Олежка, отправляя в рот горсть засахаренных фисташек. – Позвонить через столько лет не для того, чтобы узнать о моей жизни... А чтобы я подтвердил, что твоя задница похожа на духовую печь.

– Спасибо, – я призвала на помощь все запасы своего спокойствия. Пусть видит, что я больше не та истеричка, которая однажды в ответ на его очередной «комплимент» запустила в него фарфоровым блюдом. Кажется, у него до сих пор на переносице шрам. – Я рада, что ты совсем не изменился. Ладно, рассказывай. Читала, собираешься жениться.

– Вот еще, – самодовольно хмыкнул он. – Я пришел к выводу, что женщин надо держать в тонусе. Тогда они ведут себя как шелковые. Честно говоря, в данный момент я встречаюсь с тремя.

– Да ты что? И кто эти несчастные?

– Между прочим, они своей участью вполне довольны. Одна из них поет в группе, пока не очень известной. Другая учится в МГИМО, но я обратил на нее внимание, потому что она похожа на Шакиру. А у третьей ноги длиннее, чем у Адрианы Скленариковой. Представляешь, что это значит? Я сплю с девчонкой, у которой самые длинные ноги в мире!

Олег говорил что-то еще – я слушала рассеянно. Хвастовство всегда было его любимым жанром. А тут еще и комплекс брошенного мужчины сыграл свою роль. Это закон природы: брошенный любовник всегда негласно соперничает с бросившей и никогда не упустит возможности доказать последней, что та отвергла воистину лакомый кусок. Я отвернулась к окну. Куда катится этот мир? Олег не урод, не фрик, не сноб, не жлоб и даже, если не принимать

во внимание его невероятную бестактность, не полный придурок. Но и не подарок судьбы. Он пишет с ошибками, не знает, где находится Гондурас, иногда уходит в запой, у него дряблое брюшко и завышенное самомнение. Но раз девушка с самыми длинными в мире ногами остановила свой выбор именно на нем... Раз эта девушка каждую ночь обнимает своими самыми длинными в мире ногами именно его бледноватый торс... Значит, Нинон права, и таким, как я, милым, но не ослепительно красивым, остроумным, но без оксфордского диплома, немного закомплексованным одиночкам придется опустить планку еще ниже... Ниже моего бывшего любовника Олега, который только что выразительной отрыжкой заявил всему ресторану о том, что его трапеза окончена?!

Моя подруга Нинон считает так: женщины, как яблочки на рынке. Есть неестественно гладкие, нарядные, с восковой пленкой, самые дорогие – это пафосные красотки с силиконовым тюнингом и ботоксом во лбу. Есть попроще, с ржаными веснушками и медовым запахом солнечного августа – это чаровницы middle-class с голодноватым блеском в подведенных карандашиком очках. Они вроде бы и свежи, и спелы, хоть в варенье, хоть в компот, хоть просто так с аппетитным хрустом впивайся зубами, но все же чувствуется в их плоти с поддурманившимся бочком еле слышное дыхание приближающейся осени. Есть унылые плоды тенистой северной дачки, крепкие, но с навязчивой кислинкой – это городские умницы, перфекционистки, активистки, слишком сильные, чтобы выйти замуж, но достаточно слабые, чтобы об этом иногда грустить. Есть перезревшие, поеденные червями, с лежалым коричневым бочком.

– Рано или поздно все там будем, – вздыхала порой Нинон. – Тебе ведь двадцать восемь?

– Двадцать девять, – отвечала я.

– Ну вот видишь... В двадцать девять лет почти невозможно оставаться первым сортом, если у тебя не бездонный кошелек. Особенно в Москве. Стрессы, знаешь ли, экология.

– А была ли я когда-нибудь первым сортом? – усмехнулась я. – От моей красоты никто ни разу в жизни в обморок не падал.

– Слабое утешение, – она даже не улыбнулась. – С таким настроением недолго вылететь и из middle-class. И что тогда?

Разговор двух богинь, случайно подслушанный за ланчем в «Шоколаднице»

Они были не похожи друг на друга, как ночь и день, но обе такие красавицы, что дух захватывало. Ближе к окну сидела брюнетка с длинными волосами, курчавившимися в тугие, почти негритянские кудельки. Наверное, кто-то из предков ее имел кожу цвета антрацита. Ее загар был неправдоподобно бронзовым – если бы не белая лямочка кожи, прорезавшая точеное плечо, можно было решить, что она мулатка. Притом глаза ее были желто-зелеными, как у кошки. Ее экзотическая красота притягивала взгляд, и девушка прекрасно об этом знала – ее жесты были до того изящны и филигранно поставлены внутренним режиссером, словно вся жизнь ее была нескончаемым аншлаговым спектаклем.

Вторая девушка была ее полной противоположностью. Бледнокожая, с невнятными пряничными веснушками, хаотично разбросанными по фарфоровому лицу, она выглядела так, словно никогда не видела солнечного света. Ее красота была не сочной, тропической, здоровой, как у подружки, а сдержанной, северной, анемичной, но все равно захватывающей дух. Главным ее богатством, несомненно, были волосы – тяжелые, гладкие, длинные, цвета спелой ржи.

По закону жанра брюнетка была одета в белое – роскошное платье, обтягивающее тонкую талию и спелую тяжелую грудь и пышными воланами спускающееся вдоль литых сильных бедер, блондинка – в черное – в микроскопический сарафан с перекрещивающимися на спине ремешками.

Вся кофейня зачарованно за ними наблюдала. Все позабыли и о бутербродах, томящихся на тарелках, и об остывающем горячем шоколаде, и о своих проблемах. Разве каждый день увидишь богинь, спустившихся в наш бренный мир из каких-то других, более совершенных, миров?

А сами красавицы никого не замечали, были увлечены друг другом, о чем-то весело болтали, их хрустальный смех взрывал полуденную тишину.

Мне показалось, что все вокруг вытягивают шеи, чтобы хоть краем уха услышать, о чем могут говорить эти идеальные создания. Однако повезло в этом смысле только мне – я занимала соседний стол и прекрасно все слышала.

А говорили они вот о чем.

– ...Ни антицеллюлитный массаж не помогает, ни обертывания, ни эл-пи-джи, – сетовала брюнетка.

– А что такое эл-пи-джи? – живо интересовалась блондинка.

– Ну, это такой аппаратный массаж для похудения. Тебя одевают в специальный комбинезон, похожий на большие колготы... А потом массируют вакуумным аппаратом – в него засасывается жировая складочка, жутко больно.

– Меня массировали банками, – слегка понизив голос, поделилась блондинка. – Это пытка, я рыдала в голос! И потом все ноги были в синяках.

– Да ладно, нам еще грех жаловаться. Вот Люба сделала липосакцию, теперь вынуждена ходить в компрессионном белье, в такую-то жару!

– Боюсь, что и мне придется липосакцию делать, – жеманно вздохнула блондинка, ущипнув себя за тощую ляжку. – Я уж и не ем ничего, и в спортзал хожу через день, ничего не помогает.

– Да ты еще ладно, – подхватила брюнетка. – А вот я стесняюсь появляться на пляже. Мне так и кажется, что все начнут пальцами показывать на мой зад!

Блондинка коснулась унизанными кольцами пальчиками мочки уха и болезненно поморщилась.

– Может быть, зря я эту булавку поставила? Ведь специально ездила к бабке в Сибирь. Говорят, протыкают ухо золотой булавкой – и аппетит отшибает напрочь. Моя подруга, которая тоже такую носит, однажды в субботу опомнилась, что не ела со среды... Это звучало так заманчиво, что я решилась. Потеряла три дня и двести баксов, и ничего. Да еще и ухо саднит.

– А ты не пробовала пчел? – брюнетка подалась вперед. – В Подмосковье есть ушлый дедок, он этим промышляет. Многие мои знакомые к нему ездили, хвалят.

– А что за пчелы? – заинтересовалась блондинка.

– Тоже аппетит отшибают. Он их ставит на биоактивные точки. Все равно, что пиявки, только шрамов не остается.

– Нет, пчел я боюсь, – блондинка передернула плечиками. – Да и не верю я во все эти новомодные примочки... С тех пор, как мне не помогла диета по группе крови. Тоже ведь четыреста долларов отдала за анализ. Мне составили подробное меню.

– Профанация, – фыркнула брюнетка. – А моя соседка вставила в желудок титановую капсулу.

– Это как? – прищурилась блондинка.

– Ну, может быть, не титановую, а какую-то еще... Но смысл в том, что объем желудка уменьшается вчетверо. Вроде бы и есть хочется... Но проглотишь яблоко, и больше в тебя ничего не лезет.

– У меня были такие пилюли! – обрадованно воскликнула блондинка. – Разбухающие. Принимаешь две перед обедом, а они в желудке разбухают и занимают место. Но потом у меня от них начались запоры.

– А ты пьешь слабительное? – светски полюбопытствовала брюнетка. – Я два года назад подседа, так здорово! На ночь принимаешь отвар, утром едва добегаешь до туалета, и потом такая легкость!

– Мне больше нравятся клизмы. Я делаю пятилитровые, с ромашкой и лавровым листом. Потом летаешь, как воздушный шарик...

...Они были божественны в своем безусловном совершенстве. Они были похожи не на земных женщин из плоти и крови, а на произведение искусства, ожившую картину великого мастера, бесплотных богинь. Их завораживающая красота даже поднималась над понятием «бабская зависть», и другие женщины смотрели на них с мечтательными улыбками. Тщетно прислушиваясь к разговорам инопланетных принцесс, простые смертные прихлебывали остывший кофе и, наверное, думали о том, что красота, и правда, спасет этот мир...

Глава 3

– За те четыре года, которые ты провела в брачном анабиозе, мир изменился, – прищутив левый глаз, Нинон выпустила из пухлых блестящих губ струю ментолового дыма. – И не надо на меня так смотреть, я говорю совершенно серьезно. Это новое время, подруга, и чтобы быть на коне, надо выглядеть не хуже Скарлетт Йоханссен.

– Ты так говоришь, как будто бы я пятьдесят лет пролежала в летаргическом сне, – недоверчиво хмыкнула я.

– Так и есть, – серьезно сказала Нинон. – В наше время год идет за десять. Современным миром правит информация. Секретов больше нет. Ты заходишь на mail.ru и за пять минут можешь собрать сведения о чем угодно. Где-нибудь на бразильском пляже три обкурившихся ядреной травы барабанщика организуют самобытный оркестр, они выкидывают трек в сеть, и на следующее же утро, скажем, в Тюмени появляется их самоназванный фан-клуб. Соображаешь, к чему я? Мир сошел с ума. Новым Галатеям и Элизам Дулитл больше не надо долгих месяцев на самореализацию. Герои появляются на раз-два. О тебе написала газетенка, тебя пригласили в эфир к Малахову, в светской хронике мелькнула твоя перепудренная рожа, и вот уже у тебя берут автограф, когда ты стоишь в очереди за сигаретами!

– Все это производит впечатление, но только я не понимаю одного – при чем здесь мой толстый зад?

– При том! – возопила Нинон, голубые глаза которой разгорелись вулканическим пеклом фанатизма. – Если раньше стандарты были чем-то условным, то теперь они воспринимаются как неоспоримые идеалы! На наши головы обрушилось столько информации, что мы перестали различать, где – реальная жизнь, а где – отфотошопленный миф из журнала Hello. Еще каких-то пять лет назад никто не знал, что такое it-girl. Девочка-«это», девочка-«никто». Десять лет назад Пэрис Хилтон и Николь Ричи никогда не стали бы superstar. Ведь они ничем не примечательны, кроме того, что родились в семьях миллионеров и в неделю тратят на обувь столько, сколько ты не зарабатываешь и за год. И еще – они худые и холеные. Их образ жизни – ухаживать за собой. А сейчас – их снимают в реалити-шоу, им подражают! Кстати, реалити-шоу... Этот бесконечный «Дом-2»! Оля Бузова и Алена Водонаева – символы нового поколения, поколения it! Одна наращивает волосы до попы, другая красиво выпячивает грудь – и за это, только за это, им подражают миллионы девчонок по всей стране! Их именем называют жевательную резинку!

– Нин, прости, что перебиваю... Но все-таки при чем здесь мой толстый зад? – рискнула выкнуть я.

– Сейчас я до этого доберусь, – пообещала Нинон. – Едем дальше. Глянцевые журналы. Ты заметила, как изменились глянцевые журналы за последние пять лет?

– Да я никогда их особенно не читала, – пожалала плечами я. – И как же они изменились?

– Из них потихонечку исчезают статьи! Зато странички со светской хроникой разрастаются, как грибковое заболевание. Все хотят знать, каким лаком красит Ксения Собчак ногти на ногах. Всем хочется рассмотреть, есть ли у Жанны Фриске морщины. Всем хочется убедиться, что у Бейонсе все-таки жирные ляжки... Только вот дудки! Глянец и реклама – не место для самоутверждения среднестатистической женщины. Скорее наоборот – пролистаешь годовую подшивку Glamour и обрассешь комплексами по самое не балуйся.

– Почему?

– Да потому что все, б...дь, идеальные! – возопила Нинон. – Да потому что через две недели после родов Виктория Бэкхем выглядит лучше, чем ни разу не рожавшая я после посещения SPA-курорта! Потому что весь мир словно кричит мне в лицо: «Будь идеальной... Ты этого достойна... Гуд-бай, целлюлит!» Между прочим, моя бабушка, а тем более дедушка

вообще не знают, что такое целлюлит. А современные мужчины... На прошлой неделе встречалась с одним. Вроде нормальный мужик, серьезный, в консалтинговой компании работает. И вот сидим мы в Боско-баре, и вдруг он начинает комментировать девушек, которые мимо ходят. Это он вроде как решил меня повеселить. «Смотри, – говорит, – вон та похожа на орангутанга, неужели она думает, что раз нацепила черные колготки, то никто не заметит ее небритых лап?!»

– Ничего себе, серьезный мужчина, – хмыкнула я.

– Вот именно! Я подавилась кофе. А он невозмутимо продолжает: «Посмотри во-он на ту, в белой юбке! Она целлюлитом до макушки заросла! Как же можно было так себя запустить, ей ведь не больше двадцати пяти!» Вера, за те полчаса, что мы пили кофе, он указал на отросшие корни волос официантки, необрезанную кутикулу у девчонки за соседним столом, неровный татуаж бровей какой-то несчастной прохожей...

– Может быть, маньяк? – предположила я. – Помешан на ухоженности?

– Если бы, – вздохнула Нинон. – Большинство городских мужчин такие и есть. И самое смешное, что мы же в этом и виноваты.

– В смысле? – удивилась я.

– Мы, городские перфекционистки нового формата, – снисходительно объяснила она, – мы объелись глянцевого журналов, рекламных роликов, клипов MTV, ток-шоу Даны Борисовой, блокбастеров с Анджелиной Джоли. Мы позволили производителям тампаксов-диор-колгейтов зацементировать в наших головах лютые комплексы. Мы добровольно, по-овечьи, уступили арену Миле Йовович и Кейт Мосс. Мы не возмущались, когда модельеры-геи начали набирать в дефиле манекенщиц с классическими мальчишескими фигурами. Вспомни середину девяностых. На подиумах блистали истинные красавицы – Клаудиа Шиффер, Кристи Тарлингтон, Синди Кроуфорд, Наоми Кэмпбелл. А что мы видим сейчас? То одна вешалка от анорексии откинет копыта, то другая. Они похожи не на женщин, а на самок богомола – узкие, жилистые. Но мы покорно признаем, что они идеальны, а мы – нет. Мы запиваем таблетки для подавления аппетита диетической колой и вкалываем в морщинки яд, чтобы улыбка была замороженной, как у Снежной Королевы. Мы создаем в Интернете сообщества, посвященные похуданию. Мы не носим мини, потому что уверены, что с таким целлюлитом короткие юбки противопоказаны. И вот, наши мужчины привыкли к тому, что мы несовершенны. А у мужчин такой характер, им же подавай самое лучшее. Все хотят спать с клонами Кейт Мосс, никто не хочет среднестатистическую девочку, которая носит джинсы сорок шестого размера и делает интимную эпиляцию только перед отпуском на море.

– По-моему, ты утрируешь...

– Ничего подобного! – хмыкнула Нинон. – В последние годы Москва спятила. Конкретно свихнулась на перфекционизме. Тетки измучены, мужики избалованы. Но не принять правил игры невозможно.

– Значит, ты считаешь, что...

– С твоим задом шансов построить отношения с нормальным мужчиной практически нет. В современной Москве носить сорок шестой размер – это такой же моветон, как звучно пукнуть на приеме у английской королевы. Я уж не говорю о сорок восьмом.

– Нин, ну это же просто смешно! – вскипела я. – Тебя послушать, так мне вообще в пору идти вешаться на чулках Кейт Мосс. Как же я раньше жила? И между прочим, среди моих мужчин второсортных нет.

– Смотри пункт первый, – спокойно улыбнулась она. – Все изменилось в считанные секунды. Не принять правила игры невозможно – если, конечно, ты не хочешь остаться за бортом.

– Бред какой-то. Спорим, докажу тебе обратное?

– Ты уже доказала. На пляже. Неужели не помнишь, что он тебе сказал. «Отойди, толстожопенькая»!

– Я думала, никто не слышал, – обескураженно протянула я.

– Отойди, толстожопенькая! – смакуя, продекламировала Нинон. – Вот на что приходится рассчитывать таким девушкам, как ты.

– А по-моему, этот серфер просто самовлюбленный деградант. И вообще, мне он сразу не понравился, и я бы ни за что не подошла к нему, если бы не дурацкий спор.

– Это защитная реакция, – невозмутимо заметила Нинон. – Ты подсознательно выбираешь только тех мужчин, с которыми у тебя есть шанс... Но если тебе так нравится быть мазохисткой, можно предпринять попытку номер два. Но не обольщайся, она закончится тем же самым.

– Ладно... – нахмурилась я. – И с кем мне придется общаться на этот раз?

– На этот раз для чистоты эксперимента я предоставлю тебе полную свободу выбора, – насмешливо предложила Нинон. – Мы отправимся в ночной клуб, в какой-нибудь пафосный, в «Мост» или на «Крышу». Куда-нибудь, где много первосортных самцов с амбициями. И там ты выберешь того, кто не покажется тебе самовлюбленным деградантом. Можем заехать к тебе, приведешь себя в порядок, выберешь самое лучшее платье... Только, Вер, я тебя предупреждаю, не обольщайся. В клубе все будет точно так же, как на пляже.

– Посмотрим, – после паузы ответила я, впрочем, не совсем уверенно.

Ненавижу женские уловки – кокетливые, сучьи, такие предсказуемые. Платья с рюшами (всем известно, что за рюшами обычно прячут несовершенство раздавленных бедер), выкручивающие сустав тонкие шпильки (а то непонятно, что у их обладательницы на самом деле не такие длинные ноги), лифчики вандер-бра (без комментариев). Прицельная перестрелка взглядами, закусывание нижней губы, кокетливое похлопывание завитыми ресницами. Игра в неопытную маленькую девочку. Игра в беспринципную стерву, которой не свойственны ревность и предрассудки. Игра в идеальную наседку-хозяюшку. Все это старо как мир. Невинная овечка в платье бэби-долл окажется прожженной гулякой, на которой пробу ставить негде. Пройдет пара месяцев, и та, что играла холодную стерву, будет маниакально читать эсэмэски любовника, а то и наймет частного детектива, чтобы выследить, с кем он ходит на бизнес-ланч. Хозяюшка, заманивавшая мужчин домашними котлетками и теплыми сырниками с вишневым сиропом, загадит кухню и перейдет на быстрорастворимое картофельное пюре. Самое смешное, что всем, переросшим пубертатный период, все это прекрасно известно. Но мы продолжаем снова и снова попадаться на тот же крючок. Охотно принимаем навязанные правила, думаем, что поигрывающий кустистыми бровями тип в косухе и в самом деле бесстрашный мачо, а златовласая красавица с космическим отблеском в глазах – сказочная принцесса, а не обычная бледоватая тусовщица, каких сотни в каждом вошедшем в моду ресторане.

Обычно я предпочитаю быть самой собой – ношу то, что удобно, говорю то, что думаю, смеюсь над тем, что действительно смешно. Но в ту ночь я поставила перед собой задачу – стать самой привлекательной женщиной в этом чертовом городе. Если уж мир изменился, то я смогу играть по его новым правилам, и, поверьте, для этого мне не придется мучить себя диетами.

Есть в моем гардеробе одно платье, как раз подходящее случаю. Я купила его в первый год жизни с Громовичем, да так ни разу и не надела. В свадебное путешествие мы отправились в Лондон. Гениальный Громович затащил меня на Portobello-road, самый знаменитый уличный антиквартный рынок в Европе. Он охотился за собранием сочинений какого-то малоизвестного эдинбургского социолога, вышедшим ограниченным тиражом в начале века. В букинистическом магазине на Fleet-Street ему сказали, что на Portobello есть хипповка, которая распродает библиотеку умершего деда-профессора, и у нее, кажется, есть интересующий моего фанатичного супруга объект. Пока Громович с горящими глазами расспрашивал продавцов,

мое внимание привлекли похожие на привидения старинные платья, небрежно вывешенные возле одного из тентов. Я подобралась поближе и оказалась свидетельницей впечатляющей картины: девушка лет восемнадцати, похожая на модель, чуть ли не со слезами на глазах выторговывала пахнущую сгнившей половой тряпкой юбку. Кажется, за юбку просили двести пятьдесят фунтов, а у страдальцы было всего лишь сто. Я не могла не остановиться – меня всегда притягивало безумие. Юбка выглядела так, словно ее сняли с покойницы, лет пятьдесят пролежавшей в склепе. Некогда алый цвет достался безжалостному тлену, и теперь ткань имела колор выгоревшей на солнце кухонной занавески. Шелковой подкладкой изрядно полакомилась моль. Скажу честно: попадись мне такая юбка, я бы без тени жалости разодрала ее на половые тряпки. А эта чудачка готова выложить за нее целых сто фунтов, и ее острый кукольный подбородок уже трясется от подступающих слез, бедняжка боится, что возжеланная юбка уплывет в чужие руки.

– Простите, – тихонько обратилась я к ней, благо английский у меня великолепный. – А вы уверены, что эта юбка... хм... Стоит таких денег? За сто фунтов вы могли бы купить в Харродсе новую, самую модную.

Девушка вылупилась на меня так, словно я предложила ей групповую с пятью темнокожими бомжами, трое из которых отсидели за убийство, совершенное с особой жестокостью.

– Вы шутите? – наконец сказала она.

– Я... Может быть, я вмешиваюсь не в свое дело, но я правда не понимаю, – мягко улыбнулась я.

– Откуда вы?

– Россия.

– Понятно, – криво усмехнулась девчонка. – Наверное, в вашей стране мало значения придают волшебству времени.

– Чему-чему? – удивилась я.

– Время вдыхает в вещи волшебство, – объяснила загадочная девушка. – Не во все, конечно. Думаете, почему люди гонятся за антикварными бюро, старинными картинами, чужими семейными реликвиями, потемневшей серебряной посудой...

– Антиквариат – отличное вложение средств.

– Какая вы приземленная, – задыхнулась она. – Старые вещи вдыхают в дом душу! Они приносят в нашу жизнь очарование иных эпох, иное настроение. Это вам не безликие пластмассовые тумбочки из Икеа – символ молодежного, модного, но мертвого дома. Эти вещи любили люди, которых давно нет в живых! Они пропитаны мощнейшей энергетикой!.. А насчет одежды... Если честно, сейчас просто не умеют так кроить. Даже если вы купите новое платье в стиле винтаж, все равно это будет немного не то.

– Но эта юбка... По ней понятно, что она старая, видите, на ней пятно! Вам совсем не противно? Может быть, на нее пролили суп, а может быть, у ее бывшей хозяйки не вовремя начались месячные, а может быть...

– Пятно можно вывести, – сжала губы девушка. – Знаете что, спорить я с вами не буду. Но пожалуйста, сделайте для меня кое-что.

– Что именно? – удивилась я, уже сожалея о своем вмешательстве и оглядываясь по сторонам в поисках Гениального Громовича.

– Примерьте что-нибудь. Платье, корсет – неважно. Примерьте, взгляните на себя в зеркало и еще раз скажите, что винтаж – это ерунда.

– Ну ладно, – пожала плечами я.

– Я сама вам выберу! – оживилась девушка. – Я бываю на Portobello почти каждый день и отлично знаю каждое платье.

Недолго порывшись в вешалках, она протянула мне нечто цвета чайной розы, с обильными смятыми кружевами.

– Вот. Это платье. Начало века, десятые годы, шелк, кружево. Тогда оно было недорогим, а сейчас – бесценно.

Пожав плечами (мне все равно нечего было делать в ожидании Громовича), я удалилась в импровизированную примерочную – перегороженную развевающимися на ветру простынями клетушку, в которой едва можно было развернуться. Справиться с кружевами, лентами, шнуровками и застежками было непросто. Сразу видно, что у женщин прошлого было куда больше времени, чем у нас, несчастных, наскоро заглатывающих по утрам растворимый кофе и напывающих что под руку попадет. Мы дальновидно покупаем платья из немнущихся материалов – и чтобы никаких сложных застежек и крючков, а максимально кокетливым компонентом становятся рюши в области декольте или яркий принт. У нас просто физически нет времени на то, чтобы носить эти наряды, где каждую складочку, каждую ленту нужно педантично обрабатывать едва прогретым утюгом. Завязав последний бантик, я обернулась к зеркалу, заранее уверенная в том, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Мое лицо разругалось, волосы были встрепаны. И вдруг... Я даже сама не могу сказать, что именно произошло, почему вдруг женщина в зеркале показалась мне чужой, более взрослой, красивой, утонченной. Но это было так. Ничего не изменилось – просто вместо привычных джинсов на мне было несколько слоев мягкого шелка... Но я вдруг стала холодновато-прекрасной, как женщина из прошлого, как звезда немого кино. Я вдруг увидела, что у меня высокие породистые скулы, что у волос моих – красивый оттенок спелой ржи, что талия моя тонка, а бедра – наоборот, женственные и пышные, волнующие. Я была красива классической красотой, той, над которой время не властно. Это было так удивительно! Не в силах противостоять этому странному ощущению, я протянула ладонь и погладила заляпанное пыльное зеркало.

– Ну что я говорила? – в примерочную заглянула девушка. – И не говорите, что вы этого не чувствуете!

– Чувствую, – глухо сказала я. – Спасибо вам. Я бы никогда не подумала...

– Да что уж там! – весело воскликнула она. – Это вам спасибо. Продавец подслушал мою пламенную речь и сделал мне скидку. Юбка моя.

– Поздравляю.

– И знаете что еще? Я считаю, что вы будете полной дурой, если не купите это платье. Сколько бы оно ни стоило.

Платье стоило пятьсот фунтов – целое состояние. Именно такую сумму я взяла с собою в Лондон, рассчитывая закупить килограмм недорогих модных шмоток в Top Shop.

Я купила его, не торгуясь. Возвращаясь в гостиницу, я прижимала к груди пахнущий пылью и лавандой бумажный пакет.

У меня не было повода надеть это платье. Такие вещи нельзя носить просто так, превращать их в нечто привычное и будничное. Платье требовало особого случая. И вот наконец я решила, что он настал.

Три с половиной часа я приводила платье в порядок. Отутюжила каждую ленточку, немного проветрила его на балконе, чтобы окончательно избавиться от затхлого запаха времени. Такая одежда требовательна – к платью полагалась сложная прическа. Я позвонила соседке с третьего этажа, которая работала в районной парикмахерской и иногда задешево меня укладывала. Она, конечно, удивилась, когда вместо привычно-будничного длинного каре я попросила убрать мои волосы в высокий пучок, оставив у виска несколько легкомысленных завитков.

Чтобы добавить образу принцессы остроумия и современности, туфлям я предпочла золотистые кожаные кеды, а сверху надела потертый кожаный пиджак, в свое время тот обошелся Гениальному Громовичу в кругленькую сумму.

– Ну ты даешь, – восхитилась Нинон, которая заехала за мною на такси, – бомба... Только вот если ты надеялась, что этот фасон скроет твои телеса...

– Отстань, – улыбнулась я, усаживаясь на заднее сиденье.

С ума сойти, волшебное платье не только поднимало самооценку, но и диктовало манеры – я садилась в машину, как дочка миллионера, окончившая пансион благородных девиц, за которой охотятся толпы папарацци – сдвинув колени, изящным плавным движением перенося сомкнутые ноги в салон.

Недоверчиво фыркнув, Нинон назвала водителю адрес одного из самых пафосных клубов города. В другой вечер я бы вообще туда не сунулась, не уверенная в лояльности фейс-контроля, но с платьем-талисманом мне было море по колено. Черт возьми, почему я раньше его не надевала? Надо бы при случае снова наведаться в Лондон и прикупить на Portobello еще винтажных нарядов. Правда, без финансового участия Громовича такая поездка мне в ближайшее время уж точно не светит.

Охрана только равнодушно нам кивнула – даже не пришлось прибегать к жалкому в своей банальности аргументу, что мы, мол, внесены в некий мифический список, и вообще арт-директор клуба – наш задушевный друг. Нинон взглянула на меня с уважением: я никак не вписывалась в ее представления о модной девушке, тем не менее в тот вечер вокруг меня был энергетический кокон стиля и роскоши – истинной, не той, которую каждая Маня может купить за тысячу долларов в бутике Луи Витон.

Мы сразу прошли к барной стойке и заказали по коктейлю: Нинон – переслащенную Пинаколаду, я – шальную, сносящую крышу Ром-колу. Я чувствовала себя истинной Золушкой. Это будет мой бал, и принц, имя которого мне еще неизвестно, сразу поймет, кто здесь ему под стать. Не выламывающиеся под g'n'b «дамы полусвета». Не обдолбанные кокаином модели в джинсовых мини-шортах и с такими длинными ногами, каких просто не может быть у земной женщины. Не холеные бизнес-леди, за нарочитым пофигизмом и идеальным обколотым ботоксом лицом скрывающие панику одиночества. И даже не Нинон (хотя я ее и очень люблю), оранжевая от солярийного загара, с брильянтом в переднем зубе и с выглядывающим из золотых босоножек педикюром френч. Через тонкую пластиковую трубочку я втягивала хмельную пену коктейля. Нинон, ритмично подергивающая всеми выступающими частями организма под обработанный местным диджеем хит Бейонсе, уже умудрилась привлечь в радиус своего феромонного обаяния какого-то качка с азиатским разрезом глаз – он приобнимал ее за талию, что-то ей нашептывал и, кажется, даже порывался утащить ее в сторону VIP-зала с диванчиками. Иногда я ловила ее победный взгляд. Ну как же, она, Нинон, ничего особенного и не делала, просто танцевала себе, ни на кого не обращая внимания, а ведь поди же ты, заинтересовала какого интересного мужчину! Я украдкой ей улыбалась – азиат, конечно, очень даже ничего, но куда ему до... до...

И тут я увидела его. Нет, не просто его, а Его с большой буквы. Я не знала, кто Он, как Его зовут, и как вообще такой человек, как Он, мог оказаться в этом сомнительном месте. Зато я точно знала, что Он и есть тот, ради кого я сюда пришла. И сегодня Он будет моим.

Я даже разнервничалась, что со мной, признаться, в таких ситуациях случается нечасто. Я вообще не из тех, кто влюбляется с первого взгляда, кто в первую же секунду готов сжечь мосты и броситься в омут головой. Я достала из атласной сумочки пудреницу, суетливо обозрела свое лицо, никаких роковых недостатков не нашла. И что же мне делать дальше? Интересно, могу ли я вот так просто ни с того ни с сего подойти к нему и в непринужденно-клубной манере с ухмылкой сказать: «Может быть, угостите девушку текилой?»... Ну или что там эти безумицы, которые ищут в ночном городе любовь, обычно говорят в таких ситуациях?

Он был красив – но не той размноженной гляncем тестостероновой красотой, прикоснуться к которой мечтают девственные восьмиклассницы. Было в нем что-то особенное, не поддающееся логике, – его привлекательность не вписывалась в каноны, но все же была без-

условной. У него были выющиеся темные волосы, слегка загорелое, правильное лицо. Умные серые глаза казались грустными, в то время как полные темные губы беспечно улыбались каждому, кто перехватывал его взгляд. Невысокий, едва ли на полголовы выше меня самой. Довольно сублинный – под его простой белой футболкой не бугрились вопящие о брутальности мускулы. И руки – я успела рассмотреть, – у него были роскошные руки. Может быть, я извращенка, но во внешности мужчины не последнюю роль для меня играют руки. Ненавижу широкопалые короткие ладони с круглыми, словно обкусанными ногтями – такие обычно бывают у самоуверенных патриархальных самцов, которые любят жесткий секс, жирный борщ и грудь минимум третьего размера, а в случае чего могут и по физиономии дать, причем будут считать такое поведение адекватным.

А у него были руки пианиста – с тонкими бледными пальцами, удлинненными, аккуратно подпиленными ногтями.

В общем, не мужчина, а сказка.

– Ты сошла с ума? – Нинон подкралась ко мне незаметно. – Мы, конечно, договаривались, что для чистоты эксперимента ты выберешь первоклассного мужчину, но не Орлова же!

– Ты о ком? – у меня в горле пересохло, и я сделала огромный глоток коктейля. Черт, и зачем я позволила себе Ром-колу, надо было ограничиться ледяным соком.

– А то я совсем дура и не вижу, как ты на него смотришь. Очнись! – Нинон щелкнула пальцами у меня перед глазами. – Здесь не меньше пятнадцати подходящих кандидатур, выбери кого-нибудь другого.

– А тебе не кажется, что ты лезешь не в свое дело? – пришла в себя я.

– Я просто пытаюсь тебе помочь. Я бы, конечно, могла тихо посмотреть, как ты бездарно проигрываешь пари... Но ты чертовски хороша в этом платье, и я подумала – чем черт не шутит, вдруг у тебя и правда получится? Но только не с ним, поверь мне.

– И что же в нем особенного?

– Краткое досье, – вздохнула Нинон. – Федор Орлов, тридцать четыре года, дважды разведен, в данный момент холост. Сын известного советского художника Станислава Орлова. Золотая молодежь. С детства жил во дворце и ни в чем себе не отказывал. Но и сам он парень не промах. Окончил МГИМО, потом Гарвард. Наверное, изучал курс прикладной алхимии, потому что в его руках все превращается в золото. Владелец трех успешных транспортных компаний, художественной галереи и сети антикварных бутиков. Известный в мире искусства меценат. В первый раз женился на однокурснице, дочери американского медиа-магната. Во второй раз – на британской модели, которая сейчас всю снимается в кино и даже, говорят, получила приглашение от Люка Бессона... А еще он бабник и на всю Москву известен избирательным вкусом. А теперь скажи, Вера Алексеева, ты и правда веришь, что такой мужчина может тобой заинтересоваться?

Рассказ Нинон произвел на меня впечатление. Но, видимо, не то, на которое она рассчитывала. Конечно, без легкой грустинки не обошлось. Волшебный мужчина вдруг взлетел на такой пьедестал, на который мне и за сто лет не вскарабкаться. Но одновременно в меня словно бес вселился. И почему-то вдруг вспомнилась Шапочная Знакомая, сестра Гениального Громова. Как она нахваливала его девушку, суперинтеллектуальную супермодель. И как ловко я обошла на повороте Мисс IQ с сиськами. Конечно, я была тогда моложе, тоньше, да и Громовичу было наплевать на модные каноны. Зато... Зато у меня не было такого платья.

– Ну что, по рукам? – подмигнула я, поставив на барную стойку недопитый коктейль. – Я твердо решила, что моей сегодняшней ставкой будет Федор Орлов, – и строго добавила: – Ты принимаешь спор?

Немного помедлив, Нинон со вздохом ответила:

– Принимаю. Только позволь еще раз тебя предупредить, что ничего хорошего из твоей затеи не выйдет.

– Это мы еще посмотрим, – со спокойной улыбкой будущего победителя сказала я.

Произнести такое, кинематографически эффектно тряхнув волосами, было просто. Моя спокойная уверенность произвела на Нинон столь шокирующее впечатление, что она даже забыла о своем азиатском мачо. Направляясь к Орлову, я спиной чувствовала ее напряженный взгляд. Я понимала – мадам жаждет крови. И чувствовала себя гладиатором, выходящим на арену. От волнения меня слегка пошатывало (хотя возможно, что я просто переборщила с Ромколой).

Я понимала, что совершаю безумство. Вот так запросто подойти к одному из самых завидных женихов города, вокруг которого голодными акулами кружат изысканные светские красавицы, похожие на инопланетянок большеглазые модели, кокетливые юные кинозвезды с блестящими волосами и озорными ямочками на щеках, да мало ли еще кто. И тут я – растолстевшая лентяйка Вера Алексеева, единственный козырь которой – выгодно сидящее старинное платье. В какой-то момент я готова была остановиться, резко поменять курс. Но взгляд Нинон придавал мне сил – при всем моем уважении, она никогда бы на такую выходку не решилась.

Я подошла к нему в неудачный момент. Он как раз достал из кармана джинсов вибрирующий мобильный, посмотрел в светящееся зеленым окошко и, зажав пальцем одно ухо, прокричал в трубку:

– Малыш, ничего не слышно. Встретимся в Эрмитаже в половине третьего, как договаривались... Да, дорогая.

Все понятно, у него есть девушка. Рассказы о его одиночестве – всего лишь миф для приободрения многочисленных московских золушек. А что я хотела – глупо было полагать, что такой мужчина и правда окажется незанятым. Мои плечи поникли, я проиграла, не успев вступить в бой, и уже готова была отойти, когда он вдруг спрятал мобильный обратно в карман и вскинул взгляд на меня.

– Вы что-то хотели?

– Я? Я... В принципе нет, но... То есть да, хотела.

Как хорошо, что в приглушенном свете он не мог заметить отвратительные свекольные кляксы на моем лице. И с чего я взяла, что мой конек – экспромт? Почему заранее не заготовила парочку изящных фраз?

– Нет, то есть да? – насмешливо повторил он. – Кстати, у вас красивое платье. Я давно заметил.

Я недоверчиво улыбнулась. Он что, на меня смотрел?

– Купила в Лондоне.

– Вам идет. Так что вы хотели?

– Меня зовут Вера, – более уверенным голосом произнесла я, – Вера Алексеева. Я журналистка. Хотела бы о вас написать.

Его брови изумленно взлетели вверх.

– Обо мне? Но я не рок-звезда.

– Знаю. Вы Федор Орлов, московский лакомый кусочек номер один.

Он рассмеялся. И окончательно меня покорило. Я считаю, что смех – это тоже экзамен на мужественность. Многие современные мужики смеются манерно, как голубые. Или слишком громко и нарочито, как будто бы услышали похабный анекдот. Или по-женски прыскают в ладошку. Смеющийся Орлов помолодел лет на десять, даже его глаза, казалось, посветлели.

– Ну вы насмешили, Вера Алексеева. И что вы хотите обо мне написать?

– В Москве много девушек, которые вами интересуются. Ваше имя и лицо известно, вы постоянно мелькаете в светской хронике, о вас сплетничают, но в то же время о вашей жизни ничего, кроме сухих фактов, не известно.

– И что бы вам хотелось узнать? Спрашивайте!

– Все, – пожалала плечами я. – Как вы проводите время, с кем встречаетесь, что носите, что едите на обед, о чем мечтаете, что нарисовано на вашем постельном белье, – я чуть было не добавила «какой вы в постели», но вовремя осеклась. – Думаю, в этом городе полно девчонок, которые многое бы отдали за такую информацию.

– М-да? – с сомнением протянул он. – А мне кажется, это вторжение в мою частную жизнь. Не уверен, что мне это нужно, простите.

Я закусила губу и незаметно обернулась на Нинон, которая, перехватив мой взгляд, немедленно подняла большие пальцы вверх. Что бы еще ему наплести?

– Может быть, я утрирую. Обещаю не затрагивать в своей статье тему вашего постельного белья. Но хотя бы небольшой безобидный материал... Несколько фотографий... Конечно, я прислала бы вам правку...

– Я подумаю, – улыбнулся Орлов. – А пока, может быть, угостить вас Ром-колой, Вера Алексеева? Я заметил, вы предпочитаете лонг-дринки.

Он что, правда за мною наблюдал? Я нервно одернула подол платья.

– Не откажусь.

Он щелкнул пальцами, и перед нами словно из-под земли вырос официант. С бокалом в руке я почувствовала себя немного увереннее. Несмотря на то, что Орлов алкоголю предпочитал обычную минералку.

– Я не из тех, кто пьет за рулем, – перехватив мой взгляд, объяснил он. – Но это не должно вас смущать. Обожаю угощать девушек выпивкой.

– Они становятся шелковыми и, как спелые груши, падают в ваши объятия?

– Они и без выпивки падают в мои объятия, – улыбнулся он. – Вы же сами назвали меня лакомым кусочком... А если честно, мне не нравится, что вы нервничаете.

– Но я...

– Нервничаете, – повторил он. – Я же вижу. И зря, я вас не съем.

«И зря», – захотелось в тон ответить мне.

– Вы не похожи на журналистку, Вера.

– Я внештатница.

– Кстати, я даже не спросил, в каком издании выйдет материал обо мне.

Я на секунду замешкалась, перебирая в уме подходящие варианты. И этого ничтожного времени ему хватило, чтобы уличить меня во лжи. Он еще ничего не успел сказать – по выражению его глаз я поняла, что мой бездарный маневр рассекречен.

– Ясно, – сказал Орлов, – в принципе я так и думал.

– Но... Я и правда журналистка. Просто не собиралась писать о вас, пока... Пока вас не увидела. И я не соврала, я и правда считаю, что многим было бы интересно прочесть о вашей жизни. О вашей работе и вашей... – я слегка запнулась, – девушке.

– Но у меня нет девушки.

– А как же... Вы разговаривали по телефону. Я услышала конец вашего разговора, когда подошла.

– Да вы просто гений самодеятельного шпионажа, – усмехнулся Федор. – Это была просто знакомая. Я уже почти год одинок.

– Не встретили никого достойного? – приосанилась я.

– Почему же, вокруг полно достойных женщин. Даже в этом клубе найдется как минимум пять. Просто я плохо схожусь с людьми. Так в своем журнале и напишите... А вообще, может, свалим отсюда? – без паузы спросил он.

– Что? – я даже растерялась.

– Что, на это вашей смелости не хватит? – прищурился Орлов.

– Вы предлагаете...

– Да не волнуйся, журналистка, ничего я особенного не предлагаю... Во всяком случае, пока. Просто мне здесь надоело. И я голоден. Хочешь, поедem в «Палаццо Дукале», устроим поздний ужин? Калорийный праздник непослушания?

– Любишь женщин с хорошим аппетитом? – оживилась я.

Краем глаза я видела Нинон, которая с независимым видом крутилась возле нас. Я обернулась и победно ей улыбнулась. Вот видишь, мол, лакомый кусочек Федор Орлов приглашает меня на поздний ужин, значит, твоя теория – полный бред.

Меня немного озадачило выражение ее лица. Нинон пыталась что-то сказать, активно жестикулировала, словно хотела о чем-то меня предупредить. Орлов стоял к ней спиной и не мог видеть ее странные ужимки.

– Что? – прошептала я, вопросительно вскинув подбородок.

– Сзади! – прокричала Нинон. – Будь осторожнее! Сзади враг!

Я удивленно обернулась и увидела ее.

Она была блондинкой. У нее было балетное телосложение – прямая спина, узкие плечи, сильные худые ноги, тонкая талия, гордо вздернутый подбородок. Ее волосы были гладко зачесаны назад, открывая правильное лицо с чуть длинноватым носом, огромными раскосыми глазами, благородным высоким лбом и полными чувственными губами. На ней были простые черные брюки и незамысловатая футболка, но все равно в этой девушке чувствовался шик.

Федор замер. Я почувствовала, как напряглось его плечо.

«Уйди, – мысленно обратилась я к прекрасной незнакомке, – не мешай мне, уйди! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

Словно почувствовав мой немой зов, она лениво обернулась. Равнодушно скользнула взглядом по моему напряженному лицу и вдруг... И вдруг увидела его. Она еще ничего не успела сделать, а я уже почувствовала приближение опасности. И моя интуиция как всегда не обманула: девица, резко поменяв курс, направилась к нам.

– Здравствуйте, – глубоким грудным голосом сказала она, подойдя, – меня зовут Анна Мельникова.

Она протянула тонкую руку Федору – ладонью вниз, словно намекала не на вежливое рукопожатие, а на многозначительный поцелуй руки. И он правильно понял намек, приложился губами к ее гладкой коже.

– Федор Орлов.

– Знаю, – улыбнулась она, все еще не отнимая руку, – я вас и ищу. Я журналистка.

Мне стало смешно. Наверное, Орлов подумает, что это какой-то странный флеш-моб или программа «Розыгрыш». Но он выглядел скорее заинтересованным, нежели раздраженным или удивленным.

– Вот как?

– Я представляю издание «Мир звезд» и хотела бы сделать о вас материал. Как о самом завидном женихе Москвы.

– И что же вам интересно обо мне узнать? – улыбнулся Орлов, который при появлении блондинки благополучно забыл о моем присутствии.

– Все. Нам интересно узнать, как вы живете, где обедаете, с кем встречаетесь, о чем мечтаете и какого цвета ваше постельное белье.

Я задохнулась. Да эта стерва один в один копирует мой текст! Неужели подслушала? Что ж, в любом случае, она выбрала неверную тактику. Сейчас Орлов ей покажет. Сейчас он скажет, что не собирается давать ей интервью, что его постельное белье – это его частная жизнь и что он вообще сомневается в ее журналистской компетентности.

Но вместо всего этого Федор вдруг с улыбкой сказал:

– Замечательно. Вы хотите начать интервью прямо здесь или пригласить вас в гости?

В этом месте я, немного оправившись от шока, решила вставить свое веское слово:

– Знаете, а я тоже журналистка. И – вот забавно, да? – тоже собираюсь взять у Феди интервью. И сейчас мы как раз направляемся в «Палаццо Дукале», чтобы спокойно поговорить. Да, Федя?

Блондинка ничего мне не ответила, но посмотрела, как мне показалось, с жалостью. А Федор сфокусировал на мне рассеянный взгляд.

– Знаете, Варя...

– Вера! – возмущенно поправила я.

– Ну да, я и хотел сказать Вера... Думаю, мы перенесем наш ужин на другой день. Я вам позвоню, не волнуйтесь – с этими словами, взяв блондинку под руку, он поволок ее к выходу.

Мне только и оставалось, что на потеху зевакам крикнуть ему вслед:

– Как же ты собираешься мне позвонить, если у тебя нет моего телефона?!

– Не расстраивайся, – сказала Нинон, протягивая мне сигарету.

Мы сидели на постаменте Юрия Долгорукого и тупо наблюдали за оживленной жизнью ночной Тверской. Кто-то куда-то спешил, кто-то кого-то снимал, кто-то что-то предвкушал. А мое сердце было разбито.

– Я же тебя предупреждала, – в сотый, наверное, раз сказала Нинон.

– Знаю. Но я надеялась... И потом, все было так хорошо, мы болтали... А потом появилась оглобля, и он думать обо мне забыл.

– Так всегда и бывает, – философски вздохнула Нинон. – Это Москва, дурочка. Здесь всегда все хорошо, пока не появляется какая-нибудь оглобля. Чтобы выжить, надо стать либо полной пофигисткой, либо... той самой оглоблей, которая ломает кайф простым девушкам вроде тебя.

– И что же мне делать? – обреченно поинтерсовалась я.

– Как что? – удивилась Нинон. – Конечно же худеть. Срочно!

– Но я никогда в жизни не сидела на диетах! – в отчаянии воскликнула я. – У меня не получится.

Нинон с видом бывалого солдата потрепала меня по плечу:

– Конечно же, получится. У всех получается рано или поздно. Конечно, – многозначительно добавила она, – я имею в виду только тех, кому не наплевать на собственное будущее.

– Я попробую, – уныло согласилась я.

Вот так буднично начался самый безумный период моей жизни. Сидя на прохладном граните, я мысленно пообещала самой себе, что справлюсь. И даже не подозревала, что только что выбрала тропинку, которая всего лишь через год приведет меня в специальное отделение Института питания.

Глава 4

Миром правит любовь. А любовью – общественное мнение.

Легко влюбиться в фотомоделю, нежную, большемерную, с пятидесятисантиметровой талией и задорно торчащей попкой, с острыми холмиками молодой груди и шелковым золотом волос. Легко влюбиться в известную актрису, загадочно-томную, с уложенными кудрями, умеющую красиво плакать и носить винтаж. Легко влюбиться в светскую красотку, порхающую на шпильках от Джимми Шу с одной party на другую, не знающую иных проблем, кроме выбора: Сан-Франциско или Антибы. Легко влюбиться в ухоженную бизнесвумен с цинично-ироническим прищуром, разглаженными рестилайном морщинками, которая перед сном читает Декарта, а по выходным играет в гольф.

Легко влюбиться в бизнесмена, который мчится по Тверской в алом «Порше», и его темные волосы красиво развеваются на пахнущем пылью ветру. Перехватить его насмешливый испытующий взгляд и пропасть – с первого взгляда, словно в омут провалиться, пойти за ним, как крыса за волшебной дудочкой. Легко влюбиться в известного музыканта или поэта – с влажными от слез умиления глазами смотреть на него из толпы таких же смущенно-восторженных обожательниц и ждать, когда он позовет тебя, тебя одну, хоть на край земли, хоть на однуединственную ночь.

А вот нам, простым смертным, чей возраст, как снежный ком с горы, на всех парах мчится к тридцатнику, чьи бедра медленно обрастают гормональным жирком, чье имя никому не известно, чья красота не подобна удару под дых – нам, обычным московским девушкам, надо очень-очень постараться, чтобы кто-нибудь на нас запал. Что делать, если ты перфекционистка и не хочешь размениваться на бледных клерков с залысинами, или прыщавых отроков с намечающимися амбициями и без копейки в кошельке, или стареющих зануд, которые вечерами возятся в гараже или пьют пиво перед телевизором? Как быть, если, останавливая взгляд только на первосортных мужчинах, сама ты выглядишь не очень? Симпатична, мила, неглупа, но до Тины Канделаки тебе, как кремлевским холмам до Эвереста?

Вопрос: что делать?

А) сразу застрелиться;

Б) немного снизить планку и, отвернувшись от главных фигурантов московского любовного фронта, сконцентрироваться на ком-нибудь попроще;

В) в силу возможностей, средств и изворотливости максимально приблизиться к идеалу.

Само собой, я выбрала третий вариант.

И нечего жаловаться, если желудок сводит от голода, если ты уже вторую неделю сидишь на таблетках от анемии, но все равно от слабости едва удерживаешься на каблуках. Нечего жаловаться, если на сто двадцать восьмом приседании у тебя больно свело ягодичную мышцу, если от кислотного пилинга щиплет кожу, если массаж оставляет на твоей коже фиолетовые синяки. Тебя просто не поймут. В твоей трагедии ничего особенного нет, это московская норма. За каждым вторым впалым животиком местной красавицы кроется такая драма о стойкости, что мало не покажется. Этот город помешан на внешности. Не быть красоткой здесь не комильфо.

С Гениальным Громовичем у меня установились теплые дружеские отношения под кодовым названием «цивилизованный развод». За четыре года, проведенные вместе, мы успели стать родственными душами. И пусть я так и не смогла его полюбить, все равно ближе Громовича у меня никого в Москве не было. Сняв обручальные кольца, мы продолжали общаться. По инерции Громович иногда переводил на мою Visa деньги. Помогал таскать сумки с продуктами. Самоотверженно выслушивал мое нытье. Приглашал в кино. Делился планами. Собственно,

после развода в наших отношениях мало что изменилось, просто из них исчез досадный межполовой аспект – и нам обоим стало легче. Нам более не портило вечер унылое ожидание бессмысленного действия, именуемого «супружеский долг», – вяло склеенные рты, дежурные поглаживания, неуместный стон, симитированный оргазм. Пожалуй, он стал мне еще ближе после развода – такое возможно только в тех случаях, если люди разбегаются по взаимному согласию.

Нам обоим не нужно было время, чтобы «пережить», «переболеть». Оба были настроены сразу же броситься в затягивающую топь новых отношений – только вот мне хотелось несерьезного флирта, а мой экс-супруг, как обычно, был настроен на любовь до гроба. Иногда мы созванивались.

Естественно, он в конце концов узнал о моих неудачных чаяниях, благо, наши отношения давно подразумевали ту степень близости, при которой слово «целлюлит» произносится совершенно беззастенчиво.

– Какой бред, – искренне удивился Гениальный Громович. – Вер, твоя подруга интеллектуально ущербна. Я всегда тебе это говорил.

– Знаю, что ты не любишь Нинон, – поморщилась я. – Она просто своеобразная. Но, согласись, рациональное зерно в ее словах есть.

– Ни за что не соглашусь. Наоборот, мне кажется, что ты выглядишь, как никогда, хорошо.

– Ты всегда мне льстил. Между прочим, это из-за тебя я так разжирела. Если бы мы не заказывали каждый вечер пищу, если бы три раза в неделю не обедали в «Тарасе Бульбе», если бы ты не закармливал меня комплиментами...

– То сейчас тебе удалось бы соблазнить серфера, похожего на неандертальца? – насмешливо прищурился Громович. – Или стать очередной зарубкой на ножке кровати самого известного московского плейбоя? Может быть, оно и к лучшему, что с ними не вышло? От таких людей одни неприятности.

– Ты ничего не понимаешь! – с досадой воскликнула я. – Нинон говорит, что у меня завышенные требования. Что каждый человек должен понимать, на чье внимание он имеет право посягнуть, а на чье – нет. А мне нравятся только лакомые кусочки. Мужчины, за право быть с которыми конкурируют сотни девиц. И я этой конкуренции не выдерживаю... Не по Сеньке шапка. И я должна либо переключиться на кого-нибудь попроще, либо стать... конкурентоспособной.

– Разве о женщине можно так сказать – «конкурентоспособная»? – поморщился Гениальный Громович. – Это же не баночка йогурта. Ты такая, какая есть. Милая, смешная, девчонка-праздник, девчонка-фейерверк, девчонка-моторчик.

– И девчонка-жирная-жопа, к сожалению, – добавила я. Хотя, признаюсь, мне было приятно слушать, как он меня уговаривает.

Почему в Москве невозможно сидеть на диете

1. Москва полна соблазнов. Можно, конечно, запереться дома, но даже это в иных случаях не оградит от танталовых мук – какая-нибудь телевизионная швабра непременно будет смаковать на твоих глазах шоколадный торт, да еще и комментировать при этом, насколько он прекрасен. А в открытую форточку незваным гостем просочится одуряющий запах палаточной курицы гриль. В качестве конечного штриха позвонит бестактная подруга и пригласит на домашнюю шарлотку («А что? Это ведь совсем некалорийно!»).

2. Диета и личная жизнь – понятия несовместимые. Личная жизнь каждой уважающей себя москвички предполагает походы в ресторан. Я вдобавок являюсь девушкой малообеспеченной – мои случайные заработки не подразумевают регулярное приобщение к общепиту. Поэтому с самой юности я относилась к ресторанным свиданиям цинично – как к возможности бесплатно пожрать. Как-то глупо сидеть, подперев ладонью щеку, напротив очередного выпускающего хвост воздыхателя. Цедить минеральную воду или в лучшем случае бокал сухого вина, когда в меню есть такие соблазнительные вещи, как шоколадный торт или блинчики с черной икрой.

3. ПП (Подлые Подруги) – вполне распространенное для Москвы явление. Классическая ПП сначала сочувственно выслушает твою исповедь о лишнем весе, сокрушенно прищипнет языком, напросится в союзницы, а потом с невинным лицом рембрандтовского херувима будет подсовывать тебе гамбургеры и конфеты.

4. Москва возбуждает аппетит – и в прямом, и в переносном смысле. В этом городе заражаешься истерией потребления, манией собственности. Хочется хватать жизнь полными охапками, обжираться впечатлениями, людьми, событиями... ну и едой, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.